

П Р О З А

И ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редакция текста
Н. Степанова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

№ 76

Отпечатано для Издательства Писателей в Ленинграде гос. тип. им. Евг. Соколовой, в количестве 3.200 экземпляров — 10³/₄ л. Заказ № 171. Ленинградский Областлит № 38106. Суперобложка и переплет М. Кирпарского 1930

П

Р

О

З

А

ПЕСНЬ МИРЯЗЯ

У омера мирючие берега. Мирины росли здесь и там, белые сквозь гнезда ворона. Низ же зарос грустняком.

Лось проходила сохатая, трясла берега, нежила голову. Свирела свиристель, ликуя веселизненно и лаская птичью душу в игорном деянстве. Смертно-бровый тетерев не уставал токовать, взлетая на морину.

Кругом заросло красивняком и мыслокой.

Тихо на небе.

Красивей выказывал всю красоту членов.

Небо синее.

Слезатая слезиня: от нее ушла навсегда веселость.

Сказала: „прощай“ и бросила ветку слез.

Миловель стоял в пущах. Миристые звонко распевались песни. Прилетали неведомо откуда миристеющие птицы и, упав на ветку, начинали миристеть.

И был юноша, с голубой мглой во взорах, в белой одежке, с первоодёванными лапотками, и, подслушав Миристель, срезал грустняк и, вырезав дудочку, называл ее мирель, себя же—первомирельщиком.

Когда на яри зеленой, зеленой лугу, в алом и синем водили игорный круг при зовах молчащей свирели, тогда умолкал.

Гласючими молотами било слово вдали словельщики товарищи.

Иногда на белый камень у лодочной пристани приходила дочь леса и, положив белый лик на колени, бросала на темные воды миратый взор.

Когда же воды приходили в буйство и голубые водяные ноги начинали приходить в пляску, вдруг брызнув и бросив черными с белыми косицами копытами, тогда звучал хохот и кивали миряными верхушками осоки и слетались мирязи звучать в трубу, и под звон миряных гусель и на неких нижних струнах рокот мерный выходил из голубых вод негей нежить щеки и ноги под взорами хорошеющих краснея хорошек, поднимающих резвые лица над синим озером, среди тусклых облак лебяжьего пуха и вселеняющих росинок росянок.

В мыслеземных воздушных телах сущих возникали каменные взоры и взгляды, а, высеченные из некоего изначального мирня, мировые тела трубящих мирязей свивались в двувзглядный взор и медленно опускались на дно морское.

Ах, эти звучащие мысли и рокот сих струн! Кем вы повешены на то место, откуда я взял вас? Вы, высокие струны от звезд к камням и рощам. Качались мысловыми верхушками прекрасные грезogi. Синь, ветер, и песнь, и ночная тишина, и ночная вышина струн, оттуда сюда, как копыта времен, как стража усталого ропота, как воины с зовом оттуда сюда!

Гордо тяжкий пролетал мирёл, пустотовея орлино согнутым клювом. Кто мирланье нашел перо, кто мирланьих услышал веяние крыл, кто мирланий услышал зов, тот изменился. Травы сжигает воля „сюда!“ и клетот.

Лелеет себя и игры малая жизнь на листьях купавы. Подымая белые пухлые губы и хохоча брюхан водяной тешится, сдувая пыль с водяной зеленой яри, хватаясь за ребра.

О, юноша пастушонок в белом, играющий в мирель, в белых своих лаптях и белых одеждах! Звонная песнь звонатой свирели:

И слезатый Белун, и смехучеустые лешие с звонкосмехотливыми копытами!.. Они натягивают с чела волос и играют, как на гусях, конским копыт ом резвари и шалуны. Величие — родственник слез.

Ветхим временем текут волосы Белуна. Но сияют еще не постарелые глаза.

Грозные, прекрасные, неподвижные губы. Как дальнее озеро, слеза остановилась на косматых величественных кудрях на груди. Не озеро ли в лесу под синим последождичным небом?..

Так играл пастушонок. Лесини свисали вниз острыми грудями, так что их неопытный взор мог бы принять за осиные гнезда, вникая в смысл песни.

И жители недалекого села несли в зеленючие недра свои взоры, мелькая белючим и синючим одежды, обмениваясь таинственным священным шопотом. После оставляли одежды синеть и белеть...

Так пел пастушонок-свирельщик, не отымая свирель, свитую из золотых кругов и лиц.

Стала веще-старикатой даль, прекрасной и чистой дня тишина. Стала взоровитой чаша. И ворковали без умолку, реяли и падали ввысь и вниз умрутные скоро голуби желаний. Кора стволов искрится глазами. Течет смола желаний...

Так пел он. Ужасокрыл смирился улета.

Будучи руном мировых письмен стояла людиня,
заклиная кого-то опрокинутыми в небо взорами, мо-
лящаяся, мужественная и строгая.

Так пел отрок.

Голубые взоры Белуна подернулись влагой.

И отнял свирель отрок. Упал к стволу дуба.

И свирель поднял липорукий леший и тоже запел.

Я был еще молодой леший, я был Городецким, у
меня вился по хребту буйный волос, когда я услы-
шал голос.

Мы подходили под благословение к каждому пруту,
когда я слышал голос, увидел руку.

Нет, не стоит того, чтобы привести ее всей. Не
стоит!

Усмехнулся седым усом старый Белуни вспомнил
о ком-то отрок.

Рассмеялись весенними устами лесини и усмехну-
лись ему деревини.

Так пел леший.

Идутные идут, могутные могут. Смехутные смеются.

А мирязи слетались и завивались девинноперыми
крылами начать молчать в голубизновую звучаль.

И в страдоче немолей была слышна вся прелесть
звуков. Ах, каждый стержень опахала кончался
ясным лицом.

Молчаль была оплетена небесочеством, и была их
голубизна сильна, как железо или серебро.

Текло вниз молчание, как немотоструйный волос.

Одеты холодом слезоруслянные щеки. Сомкнуты
сжатые уста. Строгие глаза. Голубями олеплены
жерди. Верейная связь исходит из страдалых глаз.
Ты взор печали в голубой темнице.

Эти гусельные, нежные, мглой голубой веющие
пальцы с камнем синей воды на перстне.

И зори, покрывшие стержнями его тело, голову и
смелость.

Зодчеством чертогов называет божество пламя сво-
его сердца. Мглу не развеяли взоры, и уста над де-
ревом вишни, и облако.

Красновитые изливы по сине синючему морю.

Бело-жаровый испод облаков.

Белейшина — облако. Синины. Синочество.

Шла слава с широким мечом.

В глазах горделивый сноп мести поющего — им,
смерть крыльями обвила голову ничтожного, где все
велики, великого, где все ничтожны, робкого — где
все храбры, храброго — где все робки. Миратым
может быть зрение лаптя. Певец серебра катится
река.

Вон стадо-рого-хребто-мордо-струйная река в бере-
гах дороги. Жуя кус черно-чернющего хлеба, во-
лочит бич белый мальчик.

Зори пересмеялись и одна поцеловала в край
сломленного шапкой уха.

И поцелуй отразился на жующем хлеб лице.

Сумерковитый пес с костреющим злым взором.

Опять донесся рокот незримых гусель.

Но немотная к запрятым устам дующего при-
ложена таинственной руки семирость.

Там степи, там, колыхая крылья среброковылистые,
седоусый правит путь сквозь ковыль старый дудак.

Воздушная дуга протянулась по травам.

Стали снопом сожженного, бегут в былое, вечера-
лые у лебедей под могучим крылом и шеями, часы.

Травяная ступень неба была близка и мила.
И мной оцелованы были все пальцы ступени.
Страдатай пустыни и место!
Не ты ли пролетаешь в серебро-сизых плащах, по-
добный буре и гневу? — Когович? — спросят тебя.
Им ответишь: — Я соя небес!
Проскакал волк с цветами гаснущего пожара
в шерсти. Мглистый кокошник царевен вечера, вы-
ходящих собирать цветы.
Тучи одели утиральником божницу.
Кланяются, расслоняются цветы.

Синатое небо. Синючие воды. Краснючие сосны,
нагие... чьи локтерогии тела.
Зеленовохвостый переддевичий змей. Морезыбейная
чешуя.
Нагавый кудрявый ребенок, чья ладонь — телокудря
на заре.
Пронизающие материнский дом во взорах девушки,
чье рядом и одеймо небесаты голубевом, тихомирят
ребенка.
И умнядь толпоногая.
И утроликая ночетелая телом днерукая девушка.
И на гудно зова летит умиралый злодей и казнит
сон и милует явь.
Наступили учины: смерть училась быть жизнью,
иметь губы и нос.
И утролик и ясью взорат он.
И яснота синих глаз.
И веселоша емлет свирель из пука игралей.
И славноша думновзорен.
И смех лил ручьем. Смехливел текущий.